

Лу Шуюй выслушивала брань с абсолютно невозмутимым видом. Слова Вэнь Цюхуа не то что в одно ухо влетали, а вовсе не достигали её сознания. Тем не менее она послушно стояла и внимала наставлениям.

Когда Вэнь Цюхуа наконец выдохся, Лу Шуюй решила, что теперь-то может идти, но не тут-то было. Он снова завел старую шарманку, припоминая ей всякие пустяковые проделки из раннего детства. С каждой минутой он распалялся всё больше, убеждая себя в том, что она стала совершенно неуправляемой, что оперилась и теперь смеет ему дерзить. Ему казалось, что у какого наставника — такая и ученица: несмотря на то, что воспитывал её он, характер у девицы оказался точь-в-точь как у Тайхуа, отчего гнев его лишь крепчал.

Наговорившись вдоволь, Вэнь Цюхуа схватился за сердце и с глубокой горечью воскликнул:

— Как же ты, ребенок, так выросла? В детстве я думал, что твое молчание — это просто задержка в развитии, надеялся, что вылечим. А ты вон оно что! Ступай прочь, проваливай!

Видеть её он больше не мог. Швырнув в неё свернутый лист бумаги, он выставил её за дверь — видимо, считал, что на сегодня достаточно.

Лу Шуюй поймала свиток, отвесила наставнику поклон и широким шагом вышла из зала.

Стоило ей скрыться, как ученики, дежурившие в зале, наконец осмелились собраться в кучку и зашептаться ей вслед:

— Бедняга старшая сестра Лу, опять ей досталось.

— И не говори. По несколько часов кряду распекает. И почему это почтенный Шаобай так любит цепляться именно к ней?

— А ты попробуй сам вырастить ребенка, который совсем на тебя не похож. Посмотрим, каково тебе будет.

Все тут же умолкли. Тайхуа Святой Преподобный украл — или, вернее, подобрал — Лу Шуюй, когда та была еще младенцем на грудном вскармливании. В том возрасте она бы и дня не прожила без ухода, вот он и спихнул грудничка на попечение Вэнь Цюхуа.

Вэнь Цюхуа её кормил и пеленал, а Тайхуа занимался её тренировками. Казалось бы, с первым она проводила куда больше времени, но характер переняла исключительно у Тайхуа: холодная, нелюдимая, словно немая — слова из неё лишнего не вытянешь, даже у аутиста и то больше общения.

Она не то чтобы не могла говорить, просто не хотела. А её узкие глаза... когда она молча смотрела на человека, это воспринималось как прямой вызов, что не могло не раздражать. Вэнь Цюхуа, мечтавший воспитать из неё преемницу, никак не мог с этим смириться и, дорвавшись, мучил её нотациями по несколько часов, пока не выпускал пар.

Выйдя из зала, Лу Шуюй облегченно вздохнула. Она уже было собралась идти к себе, но, вспомнив о пойманном злом духе, изменила маршрут и направилась к Чистому пруду.

Вход в Чистый пруд был разрешен лишь старейшинам, главам пиков и их прямым ученикам. В остальное время он был запечатан и находился под охраной Сяо Дао.

Воды Чистого пруда считались бесценным даром для исцеления, за который в мире Цаньюй люди были готовы перегрызть друг другу глотки. Но для Лу Шуюй это священное место было доступно в любое время, словно её собственная спальня.

Едва она подошла к берегу, как сзади раздался нежный, детский голос:

— Стой! Обычным ученикам вход запрещен. Ты, положи, что держишь, и повернись лицом, иначе не обессудь — мой меч церемониться не будет!

Лу Шуюй медленно обернулась. Стоило человеку позади приготовиться к прыжку, как она лишь слегка повела рукой, и вода в пруду послушно взметнулась, превратившись в водяную змею, которая тут же бросилась на него.

— А! Я не прав, я не прав! Сяо Юй, прости меня! — Сяо Дао, прикрывая голову руками, бросился наутек, преследуемый змеей.

Лу Шуюй лишь хотела его припугнуть — змея кружила рядом, но не касалась его. Однако он сам в панике оступился и с плеском рухнул в пруд.

— А! Спаси меня, Сяо Юй, спаси!

Лу Шуюй равнодушно наблюдала, как он барахтается, пока он не перестал подавать признаки жизни и не начал медленно погружаться на дно. Она даже бровью не повела.

Воды пруда, пропитанные мощной духовной энергией, обладали эффектом очищения костного мозга, но для любого, кто туда попал, это было нестерпимо больно. Но Лу Шуюй лишь невозмутимо достала фарфоровый флакон, потрясла его и бросила в центр пруда. Раздался глухой стук, и сосуд, не подняв ни брызги, пошел ко дну.

Когда она собралась уходить, в центре пруда ударил фонтан воды. В лучах солнца сверкнул золотистый рыбий хвост, покрытый искрящимися каплями. Хвост с силой ударил по воде, обдав Лу Шуюй брызгами.

Стоило целебной воде коснуться её кожи, как она тут же впиталась внутрь, и Лу Шуюй ощутила боль, пронизывающую до самого костного мозга.

— Сяо Юй, смотри на меня! — Сяо Дао выпрыгнул из воды, взмахнул хвостом, и над прудом

засияла радуга.

Он подплыл к берегу, подняв лицо, озаренное яркой улыбкой. Идеальные черты, безупречная кожа, тонкие линии, персиковые глаза, ямочки на щеках — в нем сочеталось мужское и женское, красота, лишённая всякой агрессии. И именно эта солнечность делала его неотразимым.

Лу Шуюй смотрела на него не мигая. Не дождавшись ответа, Сяо Дао надулся:

— Сяо Юй, ну что ты опять как воды в рот набрала? Каждый раз молчишь, ты меня так совсем замучишь.

Между ними существовала особая связь, поэтому Лу Шуюй терпеливо опустила на корточки и посмотрела ему в глаза:

— Нет.

Она разглядывала его лицо, не упуская ни единой детали. Сяо Дао когда-то признался, что создал себе такой облик, потому что именно так хотел выглядеть. Это было лицо, перед которым Лу Шуюй не могла устоять. Но, увы, она практиковала путь бесчувствия, и эта красота вызывала у неё лишь эстетическое наслаждение, как вид на изящную статую, — никаких романтических помыслов.

Сяо Дао улыбался, охотно подставляя лицо под её взгляд, а золотистый хвост лениво рассекал воду. Русалки не имели пола до тех пор, пока не влюблялись, либо же выбирали его при достижении совершеннолетия. Даже внешность они выбирали сами. Сяо Дао был еще слишком молод — русалки выросли лишь к тремстам годам, — так что пол он еще не определил.

Спустя некоторое время Лу Шуюй спросила:

— Хочешь вернуться в океан?

— Опять ты за свое! Я же говорил, никуда я не пойду. Сяо Юй, хватит уже спрашивать, а? — Сяо Дао лег на спину, покачиваясь на воде, и принялся играть с брызгами своими белыми ручками.

— Не скучно тебе? — взгляд Лу Шуюй снова приковался к его лицу.

Раньше она никогда не задавала подобных вопросов, поэтому Сяо Дао с любопытством подплыл ближе, изучая её золотистыми глазами:

— Что случилось? Говори прямо. Раньше ты и пары слов не связывала, а теперь задаешь лишние вопросы. Чего ты добиваешься?

В ответ — долгое молчание.

Сяо Дао ударил хвостом по воде, нахмурившись:

— Эй, ну надо же! А я еще надеялся, что ты ответишь, маленькая бука. Сам посмотрю!

Лицо Лу Шуюй похолодело, и она выпалила:

— Не смей.

Но было поздно. Сяо Дао воспользовался своей врожденной способностью — чтением мыслей. Благодаря их особой связи он мог видеть даже те образы, что проплывали в её сознании.

В его глазах отразились картинки из головы Лу Шуюй, и он воскликнул:

— Боже мой! Кто это? Почему он так на меня похож?

Он поднял голову, желая расспросить её, но наткнулся на холодный взгляд. Её лицо не просто выражало равнодушие — в глазах читалось явное недовольство.

— Я сказала, не смей больше читать мои мысли.

Она не боялась чужого чтения мыслей, но против Сяо Дао была бессильна.

Заметив, что она действительно сердится, Сяо Дао поспешил оправдаться:

— Сяо Юй, не злись! Прости, прости, я правда забыл, совсем вылетело из головы. Больше не буду, честное слово!

В мире Цзюба, где каждый практиковал магию, чтение мыслей было бесполезным навыком: если не достичь вершин мастерства, любой заметит вторжение. К тому же это считалось дурным тоном в мире, где у каждого свои секреты.

Лу Шуюй выпрямилась и посмотрела на него сверху вниз:

— Второго раза не будет.

Она развернулась и ушла. Сяо Дао обиженно взмахнул хвостом ей вслед:

— Понял-понял... Эй, в следующий раз принеси чего-нибудь вкусенького!

<http://bllate.org/book/18886/1844727>